

ПЕТЕРБУРГСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ
18–20 июня 2015

ЭКОНОМИКА: ЧЕСТНЫЕ ОТВЕТЫ НА ЗЛОБОДНЕВНЫЕ ВОПРОСЫ
ОТКРЫТИЕ ФОРУМА
Панельная сессия

18 июня 2015 — 11:00–12:00, Павильон 8А, Зал Конгрессов

Санкт-Петербург, Россия
2015

Модератор:

Константин Ремчуков, Генеральный директор и главный редактор,
«Независимая газета»

Выступающие:

Герман Греф, Президент, Председатель Правления, Сбербанк России

Алексей Кудрин, Декан, факультет свободных искусств и наук, Санкт-Петербургский государственный университет

Игорь Шувалов, Первый заместитель Председателя Правительства
Российской Федерации

С. Приходько:

Уважаемые дамы и господа! Дорогие коллеги! Друзья!

Мне сказали, что без моего выступления Форум не состоится, поскольку кто-то должен его открыть. Поэтому я приветствую всех вас от имени Организационного комитета XIX Петербургского международного экономического форума.

Сегодня Форум, без преувеличения, — крупнейшая в России международная дискуссионная площадка, которая, как мы надеемся, с каждым годом представляет все больший интерес для представителей не только российского, но и зарубежного бизнеса. Мы добились этого прежде всего благодаря возможности устанавливать прямые контакты между любыми участниками Форума и ведущими деятелями российской экономики и политики. Форум был и, как мы надеемся, останется хорошей площадкой для открытого, честного диалога по самым острым, актуальным вопросам мировой экономики и финансов. Мы рады, что участие в Форуме стало обязательным разделом в рабочем графике ведущих представителей мировых компаний, деловых сообществ Востока и Запада, других регионов мира. Для нас особенно важно, что, несмотря на попытки ряда государств изолировать Россию путем введения санкций, сегодня на Форум прибыло больше бизнесменов и представителей СМИ, чем в прошлом году. Мы ценим это, ценим позицию тех наших партнеров, которые руководствуются нормальными, здоровыми собственными интересами, а не чьими-то конъюнктурными политическими установками. Велико значение Форума и для представителей российского делового и предпринимательского сообщества.

Мы постарались сделать программу Форума максимально насыщенной и сбалансированной. В этом году кроме сессий и круглых столов, традиционно посвященных глобальной экономике, положению в России, новым технологиям, развитию человеческого капитала, в рамках Форума

впервые состоятся деловые форумы БРИКС и ШОС, Региональный консультативный форум «Деловой двадцатки», заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай», Саммит информационных агентств. Девиз Форума — «Время действовать: совместными усилиями к стабильности и росту» — как никогда актуален. Мы хотим продемонстрировать, что сегодня необходимо ориентироваться прежде всего на продолжение конструктивного диалога, на поиск взаимопонимания, на возврат к атмосфере взаимного доверия между ключевыми субъектами мировой экономики. Такой диалог должен быть надежной основой совместных действий по укреплению стабильности и стимулированию экономического роста. Ряд наших партнеров полагает, что разногласия — это повод прервать общение. Мы занимаем противоположную позицию. В периоды обострения противоречий диалог как никогда востребован и важен.

Сегодня на площадке Форума собрались представители разных стран, по последней информации — свыше тысячи зарубежных участников из более чем ста стран мира. Очень солидно и во множестве представлены российские предприниматели. Это говорит о востребованности Форума.

Мы постарались подготовить для участников хорошую культурную программу. Надеюсь, у вас будет возможность познакомиться с достопримечательностями Санкт-Петербурга, с его историей. Уверен, что в этом году работа Форума будет столь же эффективной и плодотворной, как и в прошлые годы. Оргкомитет, власти Санкт-Петербурга, рядовые петербуржцы сделают все для того, чтобы ваше пребывание здесь было не только полезным, но и запоминающимся. От имени Оргкомитета еще раз желаю вам успешной работы и осуществления всех планов.

Теперь приступаем непосредственно к работе. Приглашаю на сцену Константина Ремчукова, главного редактора «Независимой газеты», который станет модератором первой сессии.

К. Ремчуков:

Приглашаю на сцену участников сегодняшней дискуссии: Игоря Шувалова, первого вице-преьера; Германа Грефа, председателя правления Сбербанка; и Алексея Кудрина, декана факультета свободных искусств и наук Санкт-Петербургского государственного университета.

Нам очень повезло, что эти выдающиеся люди согласились принять участие в сегодняшнем обсуждении, потому что каждый из них на протяжении последних 15 лет играл важную роль в тех переменах, которые происходили в России. Думаю, что Алексей Кудрин, Игорь Шувалов и Герман Греф в совокупности обладают наибольшим объемом экспертных знаний в области экономики. Тема сегодняшней панели — «Честные ответы на злободневные вопросы», — как мне кажется, подходит именно для их квалификации.

Я думаю, должностные обязанности между участниками сегодняшней дискуссии можно условно разделить следующим образом: правительство, принимающее решения; бизнес в лице Германа Грефа, который реагирует на эти решения либо хочет других решений; и Алексей Кудрин, который сегодня выступает в качестве эксперта. Итак, правительственные решения и реакция на них частного бизнеса и экспертного сообщества. Таким будет подход ко всем проблемам, которые мы собираемся сегодня рассматривать.

Первый мой вопрос обращен к Игорю Ивановичу Шувалову. Он соответствует названию нашей панели: «Честные ответы на злободневные вопросы». Игорь Иванович, есть ли у Правительства дорожная карта, позволяющая вывести Россию на устойчивый экономический рост?

И. Шувалов:

Добрый день всем участникам Форума!

Прежде всего, Константин, Вы сказали о совокупном объеме наших экспертных знаний: надо подумать, может, нам втроем выступать? Возможно, это будет иметь успех. Давайте сегодня попробуем в первый раз.

По поводу нашего плана: план известен, мы его совместно обсуждали и с бизнесом, и с общественными организациями, докладывали о нем Президенту. У нас есть план выхода из острой фазы кризиса. Конечно, он рассчитан лишь на короткий период: мы понимаем, что это план действий на текущий год. Но даже его сейчас надо немного корректировать, потому что ситуация развивается не так, как нам виделось осенью 2014 года. Совсем недавно был утвержден большой план в новой редакции: это Основные направления деятельности Правительства, документ общего характера, в соответствии с которым Правительство строит конкретные планы, основываясь на указах Президента и на его посланиях. План является идеологическим ориентиром для Правительства. Итак, у нас есть конкретный документ.

У нас спрашивают: почему в этом документе нет ничего, что способствует структурным изменениям? Ответ прост: о структурных изменениях говорится не в этом документе. Есть план антикризисных мероприятий, и мы его сейчас осуществляем.

К. Ремчуков:

А что пошло не так по сравнению с тем, как вам это виделось осенью?

И. Шувалов:

Думаю, все пошло значительно лучше. Нельзя сказать: «Что-то пошло не так». Мы должны были проявлять ответственность и рассматривать худшие сценарии, если говорить об уровне безработицы. Мы думали, что он, возможно, окажется значительно выше, исходя из того, как будут себя

чувствовать компании в своих взаимоотношениях с кредиторами, включая крупнейшие: Сбербанк, ВТБ и другие. Не могу сказать, что ситуация хорошая, это неправда. Она достаточно сложная, но не такая сложная, как нам это виделось в октябре, ноябре и декабре прошлого года.

К. Ремчуков:

Алексей Леонидович, Вы согласны с тем, что то, что пошло не так, пошло лучше, чем ожидалось осенью прошлого года?

А. Кудрин:

Я тоже хочу всех поприветствовать.

Прежде всего, то, о чем говорит Игорь Иванович — программы, антикризисные меры и Основные направления деятельности Правительства, — это неплохие документы. Но они рассчитаны на три года, до 2018 года. Сегодня главная проблема России — это структурные диспропорции и структурные проблемы. Ни одна серьезная структурная проблема в рамках трехлетнего плана решена быть не может. Мы ожидали, что в Основных направлениях деятельности Правительства об этом будет сказано жестче. Там действительно сказаны важные вещи, но, повторяю, они выходят за рамки трехлетнего срока и звучат несколько декларативно. К сожалению, кроме планов, которые зачастую выглядят хорошо, у нас есть реальные действия Президента, Правительства, Думы, которые иногда перечеркивают эти планы или идут вразрез с ними.

Иными словами, есть такие масштабные события, которые перечеркивают многие другие. Так, нужно сказать, что закон о деофшоризации существенно меняет среду и характер взаимодействия с иностранными компаниями, работу со счетами и прочее. Сейчас росту это не поможет, а количество проверочной деятельности существенно умножит. То же можно сказать о законе о персональных данных. Действительно, нужно аккуратней

относиться к персональным данным, лучше сохранять их, особенно в условиях вызова нашей безопасности, но вопрос в том, нужно ли это делать срочно. В данном случае мы опять можем в чем-то ошибиться. Я могу назвать целый ряд такого рода мер, которые не способствуют росту.

Где мы сейчас находимся с точки зрения роста? Мы находимся в середине шторма. Первый квартал всех немного успокоил. Показатели, действительно, оказались лучше, чем все ожидали. Было сказано, что мы прошли пик кризиса или находимся на его излете, и многим так и показалось. Второй квартал продемонстрирует, что это не так. К сожалению, неопределенность в отношении третьего и четвертого кварталов высока. Имеются вызовы не только циклического, экономического характера, связанные, скажем, с ценой на нефть, но и вызовы политического, неэкономического характера, например ограничения на торговлю, связанные с санкциями и возможностью нового витка санкций, ограничения движения капитала, связанные с ограничениями неэкономического характера на финансовых рынках. Это повышает неопределенность и не позволяет надеяться на традиционные методы выхода из кризиса. Иначе говоря, не все такие шаги дадут результат, которого обычно ожидают. Поэтому неопределенность высока.

К сожалению, перед нами сейчас встал еще более серьезный вызов. Существует не только проблема санкций и того, как из них выйти. Когда они закончатся, мы должны определить нашу модель взаимоотношений с западным миром. Например, мы сегодня можем сказать: «Вопрос с Украиной решится, Минские соглашения будут выполнены, мы пойдем на это, санкции пойдут на убыль, и мы восстановим в прежнем виде наши механизмы интеграции с Западом». Сегодня у меня есть ощущение, что некоторые политики, представители Думы, иногда даже Правительства говорят о том, что нам нужно отказаться от некоторых механизмов взаимодействия, некоторых ценностей и стандартов, которые мы внедряли

в последние 15—20 лет. У меня возникает большое опасение по поводу того, чего мы хотим, кроме чисто географического поворота к Востоку: речь идет о тех институтах, которые мы переносили к себе, в том числе ради вступления в ОЭСР и ВТО, о стандартах финансовой отчетности. Возникли серьезные опасения, связанные с неопределенностью в отношении всего этого. Это новый серьезный вызов для российской экономики — неопределенность в отношении институтов и нашего взаимодействия с Западом.

К. Ремчуков:

Игорь Иванович, Вы считаете, что Алексей Леонидович правильно указывает на отсутствие ясности, если говорить о преемственности институционального развития России?

И. Шувалов:

Алексей Леонидович не работает в Правительстве, а представляет тех, кто формирует общественное мнение. Но я должен иметь в виду, что многие говорят о неясности и неопределенности, и я отношусь к этому с уважением. На самом деле к работе Правительства это не имеет никакого отношения. Нет никакого разворота на Восток: просто сейчас сложились условия, когда у нас есть ограничения на торговлю с западным миром. Но это предложено не Российской Федерацией. Мы объявили о своих планах развивать связи с восточным миром намного раньше, когда не было этого санкционного пакета и этой риторики. Мы считали, что это экономически целесообразно, что невозможно так сильно зависеть от одного торгового партнера в лице ЕС. Более того, с определенного момента и особенно с 2005 года мы начали слышать, что Евросоюз не хочет так сильно зависеть от России в отношении энергоресурсов. Для нас это имело особое значение. Значит, и нам следовало искать другие способы продажи своих

товаров. Особенно ярко это было продемонстрировано в 2012 году, когда мы формировали повестку АТЭС. Тогда мы сказали, что не хотим разворота на Восток: что мы хотим с Востоком торговать не меньше, чем с Западом. У нас никогда не было повестки, гласящей, что мы должны сворачивать торговлю с западным миром. Все, кто говорит это, дают неправильную интерпретацию и, может быть, хотят специально так представить дело. Если мы не разъясняем свою позицию, если людям, в том числе Алексею Леонидовичу, она непонятна, значит, надо лучше информировать о ней.

Теперь об интеграционных процессах. Интеграционную повестку в отношении Европы мы не отменяли. Ведется диалог с ОЭСР. Он был «подморожен» на некоторое время, опять же не по нашей инициативе. Сейчас мы видим определенные подвижки, с нами начинают больше и активнее взаимодействовать на уровне рабочих групп. Есть повестка по модернизации наших социальных, политических и экономических институтов в соответствии с лучшими практиками ОЭСР. Мы будем вести эту работу, мы ее не снимали с повестки дня: просто мы об этом не говорим, но это не значит, что мы ее не делаем.

Часто законодательство в данных областях — это законодательство, принятие которого инициировано во время диалога между Российской Федерацией и ОЭСР относительно дорожной карты вступления России в эту организацию. Вступим или не вступим — вопрос десятый. Для нас сейчас важнее принять современное законодательство и создать институты под это законодательство. Даже представители тех стран, которые активно проповедуют санкционную политику, говорят, что тема большой Европы от Лиссабона до Владивостока не снималась с повестки дня. Мы со своей стороны подтверждаем, что хотим создания общего экономического пространства. Эта повестка важна, она формировалась еще тогда, когда министром экономики был Герман Греф. Было определено, что между

Европейским союзом и Россией возникнет несколько общих пространств. Для моей работы важно экономическое пространство.

Мы всё равно публично вернемся к этой повестке. Мы не должны забывать о ней в своей повседневной деятельности. Могу сказать, что на рабочем уровне мы продолжаем ее исследовать и отрабатывать, но политические лидеры не хотят, чтобы она сейчас активно звучала: говорят, надо, чтобы на Украине всё более или менее успокоилось. Но это не значит, что мы о ней забыли, и Евразийский Союз с Европейским союзом теперь должны строить общее экономическое пространство. С другой стороны, мы предлагаем Китайской Народной Республике и другим партнерам на Востоке рассматривать не только создание зон свободной торговли, но и более широкие форматы интеграции. Мы понимаем, что Россия и Евразийский Союз занимают особую позицию, имеют особую ценность, потому что мы в состоянии объединять разные интеграционные направления. Мы не забывали об этой повестке и ведем повседневную работу над ней. Вы, Алексей Леонидович, должны знать: пока мы работаем в Правительстве, мы о ней не забудем.

О различных высказываниях в Государственной Думе: она представляет население всей страны. Люди думают по-разному, политики и депутаты должны предлагать свою повестку, которая может отличаться от повестки Президента и Правительства. Что же, если теперь кто-нибудь что-то скажет, это будет означать, что мы сворачиваем курс? Я считаю, что, по большому счету, за все 15 лет существования команды Президента Путина, при разных правительствах, повестка по основным вопросам всегда выдерживалась и была последовательной. Никаких шараний нет. Хочется сделать что-то быстрее, я согласен. Алексей говорит, что Основные направления деятельности Правительства рассчитаны на три года. Это правда. У нас был большой документ, рассчитанный на срок до 2020 года, но сейчас даже этот горизонт недостаточен: по основным линиям

построения общества нужно договариваться на более отдаленную перспективу, на 2025—2030 годы, и с учетом этого создавать механизмы работы.

К. Ремчуков:

Герман Оскарович, в последнее время Вы неоднократно говорили о такой проблеме России, как качество государственного управления. С учетом того, что сказано о наличии антикризисной программы, и с учетом озабоченности Алексея Леонидовича слабым институциональным развитием, что Вы можете сказать о приоритетных управленческих переменах в стране?

Г. Греф:

Все поздоровались, и я, наверное, тоже должен поздороваться, чтобы не выглядеть плохо воспитанным человеком рядом с уважаемыми коллегами.

Заявленная тема дискуссии — «Честные ответы на злободневные вопросы». Если считать Ваш вопрос злободневным, то я честно скажу, что именно мне кажется диссонансом. Попытаюсь рассказать об этом кратко.

Перед бизнесом стоит задача: понять, куда движется мир, куда движется экономика, какими будут тренды в 21 веке. Есть традиционный уклад, уклад 20 века, я бы сказал даже первой половины 20 века, — индустриальный. Есть постиндустриальный уклад: бизнес развитых стран устремился в сферу услуг, началось бурное развитие таких секторов, как образование и наука, начала складываться высокодифференцированная экономика, основанная на услугах и на привлечении человеческого капитала.

Что мы видим сейчас? В мире стал складываться совершенно новый тип инновационной экономики, для которого еще даже нет термина. Нет ни одной страны, которая имеет такую экономику, но есть кластер этой экономики — Силиконовая долина. Это не экономика Соединенных Штатов

Америки: это экономика Силиконовой долины, может быть, кластер вокруг MIT, часть экономики Израиля, часть экономики Сингапура; есть кусочки этих кластеров в Северной Европе — в Швеции, в Финляндии — и всё. Но очевидно, что это новый тренд. Это принципиально другая организация всей бизнес-среды, другое регулирование этой бизнес-среды, это экономика, основанная на принципиально другом типе привлечения и использования человеческого интеллекта. Поскольку все находятся в состоянии глобальной конкуренции, мы смотрим в эту сторону, пытаемся понять наше будущее: что нужно сделать внутри наших компаний, чтобы соответствовать этому тренду? Это мощнейший тренд, он очень быстро набирает обороты и сейчас начинает доминировать. Те, кто попал в этот тренд, начинают зарабатывать совершенно другие деньги, и в долгосрочном плане конкурентоспособны будут только те компании, которые находятся в этом тренде. Вот о чем наши мысли, вот куда мы стараемся двигаться.

А когда мы возвращаемся на грешную землю и начинаем обсуждать текущую ситуацию, то говорим: «Нам повезло, опять пронесло! Мы надеялись, что будет минус 7%, а будет минус 3%. Ура!» Это хорошо или плохо? Хорошо, а может, и плохо: я не знаю. Были амбициозные программы, связанные с реформами, теперь Игорь Иванович говорит, что подписаны Основные направления деятельности Правительства. Слава богу, что это наконец сделано: я еще не видел их подписанными, там велась большая работа. Процесс подписания занял несколько последних месяцев. В кризисной ситуации этот документ не может так долго разрабатываться и подписываться. Антикризисная программа хороша, но она была хороша в конце прошлого года, а сейчас уже середина текущего года.

Диссонанс, в моем восприятии, связан именно с этим. Мы все время обсуждаем ситуацию, которая была вчера, наши вчерашние проблемы, но

никто даже не пытается обсуждать наше будущее: где мы будем завтра, где будет наша экономика, где будут наши дети? И это в то время, когда мы видим грандиозный отток капитала из страны и, что самое страшное, грандиозный отток интеллектуального капитала. Мне кажется, что сейчас основное внимание нужно направить туда. Нужно понять, как мы отвечаем на эти вызовы, а не говорить: «Слава богу, повезло, будет всего-навсего минус 3%, а в следующем году, может быть, начнется какой-то рост». Для меня лично такой разговор совершенно неинтересен.

К. Ремчуков:

Ясно. Возьмем те кластеры, о которых Вы говорите, с которыми связано будущее нашей страны: в этой картине мира глобальная экономика описывается как глобальная система производственных комплексов или глобальные цепочки создания стоимости. Фактически каждая страна ищет то звено, с помощью которого она встроится в эти глобальные цепочки создания стоимости. Условно говоря, на выходе с завода в Китае iPod стоит 144 доллара, и только 10% добавленной стоимости создается в Китае, остальные 90% — в Соединенных Штатах Америки, Японии и Корее. Мы не знаем, сколько добавленной стоимости приходится на Индонезию или Малайзию, что было произведено в Японии. Что, с Вашей точки зрения, нужно сделать для решения задач, о которых Вы говорите: для сохранения интеллектуального капитала, для создания стимулов жить и работать в России для наших детей, для нахождения способа самореализации в экономике?

Г. Греф:

Я с Вами не согласен насчет того, что государство ищет какие-то цепочки добавленной стоимости.

К. Ремчуков:

Не государство, а экономика.

Г. Греф:

Если бы государства искали эти цепочки, они бы никогда их не нашли, в этом и проблема. Те государства, которые пытались искать, теряли эти цепочки и не находили — даже самые успешные, такие, как Япония. Мы помним, какими были заявленные приоритеты развития японской экономики. Японцы умеют достигать то, чего они хотят, но в большинстве этих вопросов они промахнулись.

Как мне кажется, совершенно бессмысленно рассуждать о том, что государство куда-то идет. Государство должно создавать условия для поиска со стороны предпринимателей. Если вы сегодня придете в американский Белый дом и начнете задавать вопросы о Силиконовой долине, вы, к своему ужасу, увидите, что в Белом доме даже не понимают тренда, который намечается там. Но сама система работает таким образом, что позволяет проявлять частную инициативу сотням тысяч, а может быть, и миллионам предпринимателей, которые задают этот тренд. А государство потом по факту этот тренд поддерживает.

Мне кажется, наша ключевая проблема состоит в том, что мы все время пытаемся что-то сообща искать. Не надо искать — надо идти проторенным путем, создавать уже проверенную среду. Лучший пример — тот же самый Китай. Китайские власти и Ли Куан Ю в Сингапуре делали абсолютно банальные вещи. Государство должно делать банальные вещи — создавать хороший инвестиционный климат и удобную, комфортную среду для предпринимателей. После этого все начнет меняться с помощью частной инициативы.

К. Ремчуков:

Является ли кризис более удобным временем для того, чтобы осуществлять структурные изменения, в том числе создавать стимулы для инвестиций в эти новые сферы деятельности?

Г. Греф:

Очевидно, нет. Кризис — это всегда проблемы с капиталом, а все эти сферы обычно являются капиталоемкими. Это порождает проблемы для бюджета, требует создания соответствующей инфраструктуры. Единственное, что создает кризис, — это мощный стимул к тому, чтобы множество управленцев в государстве и бизнесе стали проводить перемены. Нормальное свойство любого менеджера — каждый день проводить какие-нибудь перемены. Мне очень нравится высказывание президента компании Samsung: «В будущем году готовьтесь поменять в своей жизни всё, кроме жены и детей». Но у нас это проходит очень тяжело: мы, как правило, меняем всё, когда мы приперты к стенке обстоятельствами. Это, кстати, единственное отличие успешных людей от всех остальных. Успешные люди умудряются менять всё до того, как наступят такие обстоятельства, до того, как жизнь приперет их к стенке. Учитывая, что мы не очень успешны, когда речь идет о переменах, эти кризисные обстоятельства, очень неудобные для изменений, дают только одну позитивную вещь — ситуацию безвыходности, когда остается одно — что-то менять. Все остальное в кризисе — это минус для изменений, для прогресса.

К. Ремчуков:

Мы видим, что в условиях кризиса проводить перемены невозможно и неудобно. Сколько же времени продлится кризис, Алексей Леонидович?

А. Кудрин:

Я отвечу на некоторые вопросы, которые задали Вы и Игорь Иванович. Прежде всего, мне понравился ответ Игоря Ивановича относительно преемственности, то есть готовности работать в прежнем режиме, за исключением тех неизбежных ограничений, которые установились в рамках международных институтов, — не ослабляя, а даже усиливая взаимодействие с Западом, укрепляя отношения с Востоком. Это меня устраивает. Тем не менее есть одно «но».

Буду говорить по пунктам. Первое: когда я говорю о структурных реформах, мы понимаем, что нужно не просто написать хороший документ. Нужна политическая воля, нужна команда, нужен президент, который все это разделяет. Мне очень понравилось, как Назарбаев принял программу «100 шагов». Он еще и выборы провел досрочно, чтобы быстрее объявить об этой программе структурных реформ. Если мы приближаем выборы в Думу, почему бы нам не приблизить выборы Президента и не объявить новую программу реформ, которую легче проводить, уже имея мандат доверия на ее проведение?

Второе, по поводу кризиса: я не совсем согласен с Германом. Кризис, естественно, всегда улучшает производительность — скажем так, в большинстве случаев, потому что снижается спрос, выживают наиболее эффективные, и у тех, кто выживает, производительность труда в среднем становится более высокой. Но я прошу не путать это с санкциями, когда говорят: «Давайте пока не отменять санкции, мы быстрее что-то сделаем». Это ошибка. Когда принимаются санкции, возникает дистанцирование от международных институтов технологического или научного обмена, от финансовых рынков: мы многократно сокращаем свои возможности, которые не сможем восполнить в отдельных случаях. Да, мы наладим у себя выпуск определенной продукции, что-то сделаем лучше. Но в среднем для всех хозяйственных звеньев, для всех предприятий уменьшается

возможность получения капитала, совершения технологических трансфертов, применения научных достижений. Вопрос заключается не в том, чтобы просто взять и где-то купить. Это процесс непрерывного взаимодействия с ведущими центрами. Допустим, Сбербанк, где я состою в наблюдательном совете, постоянно работает со Сколково, с MIT в области ведущих технологий, которые мы будем применять через год, через два года, через десять лет. Уже сейчас эти расчеты делаются и обсуждаются нашим стратегическим комитетом. Если это ограничить, мы не сможем выйти на данные показатели ни через пять лет, ни через десять.

Наконец, я бы дал еще один ответ в рамках нашего взаимодействия с Западом. Да, мы будем считаться с теми ограничениями, которые являются политическими и связаны с особой ситуацией. Но тогда давайте в чем-то дадим облегчение: например, упростим режим приезда в Россию для предпринимателей, финансистов и особенно для ученых, упростим образовательный обмен. Я сейчас работаю в сфере образования и сталкиваюсь с очень странными ограничениями. Сейчас усилился контроль над тем, кому выезжать, с какими докладами и куда. В этой сфере, не связанной прямо с безопасностью, с политическими вопросами, все нужно существенно упрощать. Это было бы хорошим ответом.

Наконец, когда мы говорим про хорошие планы, заявления и принципы, иногда складывается ситуация, когда одна рука делает одно, а другая — другое. Увеличилось количество законодательных инициатив по введению ограничений, дополнительной ответственности, дополнительных наказаний. Такое ощущение, что где-то, помимо Правительства, работает генератор идей ограничительного, контрольного характера. Кто-то предполагает, что рынок в результате будет прозрачней и чище. Скорее всего, этого не произойдет.

В общем, должен констатировать, что мы отходим от концепции, предусматривающей, что создание инвестиционных условий даст приток

капитала, улучшит взаимодействие различных звеньев, и приходим к другой концепции: подталкивать, регулировать, административно ограничивать, направлять в нужное русло. Сейчас идет ползучее изменение отношения к тому, как должен работать рынок. Иногда правильные программы, предлагаемые Правительством и Президентом, перечеркиваются действиями других структур, которые набирают политический вес. Они могут перечеркнуть то, о чем говорит Правительство.

К. Ремчуков:

Игорь Иванович, участники нашей беседы отмечают отток капитала и сокращение инвестиций, в том числе в основной капитал. От себя добавлю, что в первом квартале реальные зарплаты граждан снизились на 13%. Все эти факторы, конечно же, сказываются на совокупном спросе и на развитии. У меня вопрос к Вам: есть ли у Правительства система фискальных, финансовых или административных стимулов, позволяющих найти драйверы роста?

И. Шувалов:

Да, мы нащупываем их вместе с региональными властями, с экспертами: Правительство не работает в одиночку. Мы пытаемся, особенно в отсутствие высоких цен на нефть и газ, найти возможности для ускорения экономики в секторе, основанном на знаниях, о котором говорил Герман, — помимо нашего сырьевого сектора.

Два слова о возможностях, которые создает кризис. В кризисе нет ничего хорошего для нас с вами, особенно если его причинами являются накопленные проблемы плюс некоторые внешние решения. Помогает ли кризис принимать неприятные решения? Здесь я также не согласен с Германом — скорее, я соглашусь с Алексеем Леонидовичем. Во время кризиса обнажаются проблемы, и нужно быть абсолютно честными с

обществом, нужно сказать: «Вы знаете, мы больше этого не потянем, у нас есть такие-то ограничения». Это может касаться пенсионного возраста, налогообложения либо чего-то еще. Смотрите: все карты открыты, перспективы вот такие, продолжительность жизни вот такая, дальше будет возрастать социальное бремя. Государство станет банкротом. Вы готовы сейчас это с нами обсудить? Решение не готовы принять? Давайте обсуждать.

Возьмем банковский сектор, зависимость от зарубежной ликвидности. Поговорите с представителями MasterCard или Visa, или, например, с Германом Оскаровичем и другими нашими коллегами: мог ли кто-нибудь себе представить, что Администрация Президента выключит рубильник, выключит эти платежные системы? А нам не приходило в голову создавать изолированную систему, как это делают в других государствах. Помогает ли это создавать новые институты, новые возможности? Нам не хочется тратить на это деньги, административно это делать достаточно сложно, но все это появляется.

Поэтому ответ таков: кризис, при благоприятной политической ситуации, когда люди не разобщены, а объединены, позволяет решать большие проблемы. Может быть, по мелочам будет тяжело, но в отношении крупных проблем можно объединиться, обсудить их, подготовиться, решить их в течение короткого срока — двух-трех лет.

По поводу того, что сейчас должно делать Правительство. Правительство не может включить или выключить рост. Сейчас оно вместе со всеми должно обсуждать вопрос о том, что Правительству Российской Федерации и обществу в целом рост любой ценой не нужен. Нам не нужен рост в 5-6-7%, который усилит все наши структурные недостатки и приведет к еще более страшным последствиям. Сейчас нужен качественный рост, основанный на знаниях. Тема «Экономика, основанная на знаниях», из повестки дня Правительства не ушла. Надо понимать, что волшебников нет.

Общество ожидает от Правительства и Государственной Думы принятия решений о расходах. Когда нет нефти по сто долларов, появляются возможности для тех, кто создает электромобили, новые энергоэффективные системы и так далее: они становятся заметными, они «всплывают».

Мы все: я, Герман Оскарович и Алексей Леонидович — помним, что именно мы разрабатывали, что принимали и как мы это исполняем. Мы по-разному относимся к этому. Одним кажется, что мы этого не делаем, другие не понимают, что мы делаем. Наверное, мы плохо объясняем. Но мы не шарахаемся, мы всё обсуждаем, всё делаем, более того, договариваемся с Государственной Думой. Чехарда в принятии законодательных актов не нужна. Нужно делать законотворческий процесс обдуманым: общество принимает те законы, которые Дума одобряет, и потом эти законы исполняются. Мы не должны отчитываться о том, что издаем законы сотнями. Уже нет запроса на изменение законов в таком количестве.

К. Ремчуков:

Спасибо. Герман Оскарович?

Г. Греф:

Я выдвину только один тезис по поводу любви или нелюбви к кризисам. Кризис — это всегда результат плохого менеджмента. Если это ваш личный кризис, если у вас что-то в жизни случилось, значит, вы жили как-то не так. Если печеночка пошаливает, значит, вы чем-то злоупотребляли. Конечно, есть генетическая составляющая, но, как говорят, она далеко не доминирует.

Возьмем текущую ситуацию. В том кризисе, который мы сейчас обсуждаем, есть, конечно, воздействие внешних факторов. Есть падение мировых цен на нефть. Но, коллеги, разве это большая неожиданность для нас? Мы не

знали, что существуют колебания на сырьевых рынках? Знали. Что мы сделали? Хорошо, оставляем этот вопрос в стороне. Мы все говорим, что сегодняшняя ситуация — это результат накопленных структурных диспропорций. Переводя на русский язык, это результат того, что проблемы, накопившиеся в экономике, долго не решались, то есть результат плохого менеджмента. Наконец, наступил кризис, и мы начинаем шевелиться. Коллеги, если мы в хорошее, в «жирное» время не шевелились... Сейчас мы начнем шевелиться. Конечно, кризис — это стимул, глупо это отрицать, но условия для решения проблем, которые мы не решали долгое время, стали значительно более сложными. Нужно понимать, что на их решение мы потратим намного больше ресурсов. Еще раз: лучше смотреть не в историю, а вперед. Надо строить экономику того типа, который будет востребован завтра. А мы не только не строим ее, но и ухудшаем текущие условия.

Я готов продолжить разговор, который начал Алексей Леонидович, — об увеличении налогового бремени, об умножении всевозможных административных ограничений, которые возникают с увеличением бюрократии, и так далее. К сожалению, ухудшаются условия, ухудшается отношение к бизнесу в целом. Это заставляет забыть о будущем, мы все время застреваем в настоящем. Вывод только один, коллеги: чтобы двигаться вперед, надо смотреть вперед и улучшать качество нашего менеджмента. Чтобы что-то улучшить, нужно сначала поставить диагноз. У нас не очень хорошо обстоит дело с государственным управлением на всех уровнях: на муниципальном, на субфедеральном, на федеральном и, конечно, на корпоративном. Нам всем нужно серьезно работать над этим.

К. Ремчуков:

Алексей Леонидович?

А. Кудрин:

Еще полминуты. Дополню мои тезисы о международных институтах. У большинства присутствующих в этом зале, у тех, кто является предпринимателем, в соглашениях о кредитовании по выпуску облигаций указано, что споры решаются в международных судах. Это естественно. Это повышает доверие к любым инвестициям, которые идут с Запада.

Сейчас мы, к сожалению, имеем неприятную информацию о споре вокруг ЮКОСа. Независимо от того, будет или не будет исполняться решение (я сейчас не пытаюсь предвосхищать какие-то шаги), мы должны понимать: если у нас уже появились такие инициативы, если мы снизим роль международных судов в решении бизнес-вопросов и не станем исполнять их постановления по защите акционеров, у всех присутствующих здесь повысятся риски в отношении кредитования, взаимодействия с зарубежными компаниями. Впоследствии сделать это будет существенно дороже, чем сейчас. Мы должны понимать, что каждое решение или прецедент имеет серьезные последствия для государства и бизнеса. Я бы хотел, чтобы мы, как и прежде, были привержены принципам взаимодействия с миром и выполнения заключенных Россией конвенций.

К. Ремчуков:

Есть ли вопросы в зале? Вопросов нет.

Тогда мы продолжим нашу беседу. У меня есть еще один вопрос к вам. Мы говорили о структурных проблемах, о судебных институтах, но ничего не сказали об институте конкуренции, в том числе экономической и политической, о свободе СМИ. Я обращаюсь ко всем: в какой степени, с вашей точки зрения, конкуренция в области политики и масс-медиа является фактором экономического роста и развития?

Герман Оскарович?

Г. Греф:

Как я должен ответить? Способствует ли чистка зубов профилактике кариеса? Да, способствует.

К. Ремчуков:

Вы удовлетворены уровнем политической и медийной конкуренции на российском рынке?

Г. Греф:

Политической и какой?

К. Ремчуков:

Медийной, в сфере СМИ.

Г. Греф:

Конечно, нет. Ни уровнем медийной конкуренции, ни уровнем политической конкуренции, ни уровнем конкуренции в сфере экономики. Это базовая проблема нашей экономики. В тех секторах, где есть мощная конкуренция, мы имеем конкурентоспособность на международном уровне. Нельзя быть конкурентоспособным, не находясь в конкурентном пространстве. Никто не придумал ничего другого.

К. Ремчуков:

Вы видите в антикризисном плане Правительства положения, которые приведут к усилению конкуренции — по крайней мере, в экономике?

Г. Греф:

В основных направлениях деятельности есть много хороших пунктов, но мы всегда говорим о словах и делах. У нас много хороших программ, с этим проблем нет. С мозгами проблем нет. У нас проблема с действиями.

К. Ремчуков:

Ясно. Алексей Леонидович?

А. Кудрин:

Известно и доказано теоретически, что не всегда есть прямая связь между демократией и экономическим ростом. Как выглядит исторический момент, в котором сейчас находится Россия? Мы уже пошли по пути развития демократии, конкуренции, создали более свободный рынок, чем в Китае или где-нибудь еще. Поэтому ни китайский, ни сингапурский варианты для нас уже не работают. Чтобы точно сформулировать проблемы общества и определить, как их решать, России сегодня нужна более свободная дискуссия в средствах массовой информации, более свободная критика действий Правительства и Президента. Не должно быть тем, которые исключаются из обсуждения, в том числе государственными средствами массовой информации. Сегодня, к сожалению, мы в чем-то даже откатились. Как вижу лично я, государственные масс-медиа стали больше защищать и объяснять политику Правительства, а не обсуждать объективно все ее аспекты, в том числе критиковать. Изменился акцент. Стали больше защищать и объяснять, что-то опуская, о чем-то говоря меньше, что-то выпячивая. Я иногда с удивлением слышу о наших успехах в экономике за последнее время по некоторым направлениям, понимая, что речь идет о совершенно локальных событиях — а из них пытаются создать целую картину. Я, к сожалению, вижу недостаток дискуссий и объективной информации, необходимых сегодня для работы общества.

Тем более меня не удовлетворяет политическая конкуренция. Есть очень много фильтров, ограничений. Сегодня, чтобы зарегистрироваться кандидатом в депутаты Думы или местного законодательного собрания, кандидатом в губернаторы, нужно пройти невероятный путь. Похоже, такого рода фильтры имеют запретительный характер. Это все нужно существенно упростить. Конечно, последует непростой период, может быть, иногда будет бурление, будут дискуссии, но нам придется научиться этому. Этот период надо пройти, надо научиться этому, и лучше начать раньше, чем позже.

К. Ремчуков:

Игорь Иванович?

И. Шувалов:

Есть ли у нас возможности для реальной политической конкуренции? Мы увидим это во время следующих выборов в Государственную Думу, поскольку у нас теперь законодательно оформлен тот же принцип, который действовал и раньше, — смешанный принцип формирования Думы. Теперь лицо, независимое от политической партии, может представить себя и свою программу избирателям. Например, я как избиратель ожидаю, что эта будущая компания и наше голосование за депутатов в Государственную Думу покажут: выборы стали транспарентнее, присутствует реальная политическая конкуренция. Посмотрим. Это моя надежда.

Мне сложно оценивать, насколько реальная политическая конкуренция сейчас существует на региональном уровне, во время муниципальных и региональных выборов. Я получаю самую разную информацию. Есть информация о том, что губернаторы часто давят любых конкурентов среди муниципального руководства, не дают муниципальным лидерам возможности выдвигаться, выжигают поляну вокруг себя, не оставляют

никому шансов на избрание руководителем региона. Я не знаю, правда это или нет. Если бы я жил в таком регионе, переживал за это, я бы мог, наверное, серьезнее судить об этом. Считаю, что свое мнение как избирателя и человека я смогу сформировать во время подготовки и проведения выборов в Государственную Думу следующего созыва. Надеюсь, это будут совсем другие выборы, нежели в декабре 2011 года. Кажется, все к этому идет, и мы к этому готовимся. Это сложная работа — и законодательная, и фактическая.

О конкуренции в СМИ: она, конечно, нужна, и я согласен с тем, что мы не должны указывать на опыт тех государств, которые достигли больших результатов без открытости прессы. Дэн Сяопин, Ли Куан Ю и другие работали в иной информационной среде. Сейчас, как мне кажется, если даже не будет печатной газеты, благодаря электронным ресурсам люди смогут получить информацию о любой альтернативной позиции. Это при том, что есть еще и печатные издания. Почитайте «Ведомости»: не знаю, как они хвалят Правительство, — я там никакой похвалы не нахожу. И все равно, читаем ли мы эти газеты? Читаем.

Критика бывает разная. Любая критика должна способствовать тому, чтобы критикуемое лицо задумалось. Если же она доводит человека, которого критикуют, до такого состояния, что он просто отмахивается — тебя полили грязью, а ты сказал: «Ну, и ты иди», — то от этого никому хорошо не будет: это простое нагнетание негатива. А если тебя критикуют настолько умно, что ты должен задуматься о своих действиях и, может быть, скорректировать их, то это, конечно, правильно. Герману, Алексею и другим моим товарищам не нравится, что говорят депутаты Государственной Думы, выдвигая какую-нибудь инициативу, или им не нравится то, что пишут СМИ. Мы не можем привыкнуть к тому, что говорят люди. А другим людям не нравится то, что говорим мы. Надо привыкнуть. Нам не нравится, что нас записывают в какой-то либеральный лагерь, не нравится, что они

говорят о нас. Между тем общество у нас сложное, население разное, надо просто спокойно относиться к высказанной точке зрения.

Внутриполитический и внешнеполитический курс у нас, согласно Конституции, определяет Президент, который избирается прямым голосованием. Он может подписать или не подписать федеральный закон. Но если вы думаете, что у нас абсолютная власть, то это неправда. Если в обществе складывается консенсус, Государственная Дума учитывает этот консенсус и предлагает соответствующее решение в виде закона. Не каждый такой закон президент может отклонить, в том числе в демократических странах, в том числе в России. Когда-то может, а когда-то нет. Получается, что мы вроде как за демократию, но то, что мы говорим, нам нравится, а то, что говорят другие, — нет. Всё, что говорится, должно быть в рамках закона и приличий, но точки зрения должны быть разными. Я за такой плюрализм.

А. Кудрин:

Когда я указываю на то, что депутаты Думы и другие политики предлагают целый ряд ограничительных законов, я ни в коем случае не предлагаю, чтобы кто-нибудь чего-нибудь не говорил. Яровая вносит столько инициатив, сколько считает нужным. Она — депутат, законно получивший свой мандат. Но она — представитель ведущей партии в стране, имеющей большинство в парламенте. Председатель партии — Медведев, Председатель Правительства — Медведев. Как насчет того, что в парламенте говорится одно, а в Правительстве делается другое?

И. Шувалов:

Так же, как и Вы, я не состою в партии: я работаю в Правительстве Российской Федерации, на эту работу меня назначил Президент. У меня сложные взаимоотношения с парламентом, но характер взаимоотношений

внутри власти вынуждает меня работать с парламентом. Я не могу никому позвонить, не могу ни о чем попросить, я должен все время убеждать: так построена работа в последние годы. Часто я вижу — если говорить, например, о некоторых законодательных инициативах, — что у парламента есть приоритет разработки темы. Это не всегда хорошо. Но у нас нет такого, чтобы, например, Медведев на съезде партии, в качестве ее председателя, приказал Правительству что-нибудь выполнить. У нас Правительство подчиняется Президенту. Правительство ведет профессиональную работу, политические установки мы получаем в первую очередь от Президента. Но мы работаем, конечно, в рамках имеющихся ограничений, в том числе тех, которые накладывает парламент.

А. Кудрин:

Последняя реплика — о свободе обсуждения. Если мы не будем свободно и в достаточной мере обсуждать каждое ключевое экономическое событие и каждый законопроект, если мы не будем договариваться о смыслах и приходиться к консенсусу относительно значения той или иной статьи закона, того или иного действия Правительства, то мы все время будем говорить: «Это так здорово, так хорошо, мы сейчас такой порядок наведем». А большинство предпринимателей понимают, что это будет, в общем-то, ударом по бизнесу. Давайте начнем, наконец, договариваться о том, что плохо, а что хорошо, чему способствуют только открытая, свободная дискуссия и средства массовой информации — четвертая власть. Мы должны дать ей достаточно возможностей.

К. Ремчуков:

Завершая наше обсуждение, я хотел бы провести блиц-опрос среди всех участников. В июне следующего года, во время Форума, мы будем

подводить итоги прошедшего года. Ситуация в экономике России будет хуже или лучше, чем сегодня?

Герман Оскарович?

Г. Греф:

Знаете, это американский вопрос. Американцы любят задавать такие вопросы: «Is he good or bad?» Очевидно, если Вы имеете в виду абсолютные показатели, будет хуже, потому что идет спад, а если относительные показатели, то будет лучше, потому что в следующем году спад будет меньше, чем в этом. Поэтому мне не кажется оптимальным решением обсуждать макроэкономику, оперируя такими сроками, как один год: на год вперед мы практически всё сделали и получим результат в зависимости от того, что уже сделано. Инерция очень большая. Думаю, значительно интереснее вопрос о том, что будет через пять лет; еще интереснее, что будет через десять лет. Вот об этом, наверное, нужно думать сейчас. Самое главное — направлять всю нашу активность в эту сторону. Если говорить о том, хорошая или плохая политика проводится Государственной Думой и так далее, нужно опять-таки смотреть на темпы экономического роста. Если доходы — не минус 13%, а плюс 13%, экономический рост — не минус 3% или 4%, а плюс 8% или 10%, значит политика эффективна, хотя она и не нравится. А если и политика не нравится, и цифры, к сожалению, такие, какие мы видим, значит с экономической политикой не все хорошо.

Но я хотел бы все-таки закончить на другой ноте. Хорошая новость заключается в том, что Россия является уникальной страной: у нее есть все без исключения ресурсы, чтобы быть успешной. Ряд стран находится сейчас в сложной ситуации: у них нет внутренних ресурсов, человеческих ресурсов, капитала и так далее. Мы самодостаточны, нам нужно объединиться. Игорь Иванович сказал очень важную вещь: нужно уйти от

деструктивной критики, нужно слышать друг друга. Если мы будем слышать друг друга и вместе двигаться вперед, появятся шансы на то, что наша страна подаст пример успешного проведения реформ, успешного развития экономики.

А. Кудрин:

Соглашусь с Грефом. Допустим, через год у нас улучшатся относительные показатели, будет плюс, начнется экономический рост. Получится, что мы дошли до дна и чуть-чуть от него оттолкнулись, и мы, конечно, будем в худшем положении, чем сегодня. Правда, будет больше оптимизма: мы наконец станем всплывать к поверхности. На наше настроение серьезно повлияет то, будем ли мы понимать стратегию нашей работы в рамках мировой интеграции институтов. Куда мы идем? Мы создаем особую, новую модель экономики или признаем общемировые экономические стандарты, как сейчас это делает, все в большей степени, Китай?

К. Ремчуков:

Хорошо. Игорь Иванович?

И. Шувалов:

Я отвечу, что будет лучше, и скажу, на что я надеюсь. Гайдар говорил, что на 90% экономика — это психология. Совсем недавно мы с Алексеем Леонидовичем, с Германом говорили о том, что рост у нас равен 2—3%, но нам этого мало, нужно 5—7%. Потом говорят, что в будущем году будет падение на 5—7%, а оказывается — на 3%: всё не так плохо. Самое страшное, что свои стандарты работы и планы на будущее, о чем говорил Герман, мы связываем с прошлым. И когда будет около нуля, мы станем говорить, что всё уже неплохо. Нет, для нас это плохо. Надо начать понимать, какими будут источники роста. Нам, конечно, нужны более

высокие темпы роста. Нам нужно выйти из рецессии, нужно стабильно развиваться, но необходимы амбициозные планы развития. Если этих амбициозных планов развития не будет, риски для нас окажутся очень высокими. Нужно совместить быстрые темпы роста с качеством роста, но, если сделать это не получится, рост должен быть позади качества. Сначала качество. Будет лучше, но в своих планах мы не должны исходить из того, что всё не так плохо, как могло бы быть. Правда, мой друг Приходько все время приводит чешскую поговорку: «Никогда не бывает так плохо, чтобы не было еще хуже». Об этом надо помнить.

Мы не болтаем и не сидим сложа руки, мы работаем вместе с Государственной Думой, вместе с региональными властями. Если мы будем и дальше работать, нащупывая новые точки и драйверы роста, о которых говорили Вы, Константин, нас ждет успех.

К. Ремчуков:

Большое спасибо. Давайте поблагодарим участников за откровенный разговор. Хорошего всем дня.